

Образ Ильи Муромца в сравнительно-историческом и историко-функциональном аспектах

Александр Алексеевич Фокин¹, Залина Магомедовна Семенова²

¹ Ставропольский государственный педагогический институт
(д. 417 «А», ул. Ленина, 355029 Ставрополь, Российская Федерация)
доктор филологических наук, профессор
 0000-0002-0328-3101. E-mail: dm21225602[at]mail.ru

² Ставропольский государственный педагогический институт
(д. 417 «А», ул. Ленина, 355029 Ставрополь, Российская Федерация)
студент
E-mail: semenova.zalina[at]list.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Фокин А. А., Семенова З. М., 2023

Аннотация. *Введение.* Былина — древнерусская эпическая песня о жизни и героических подвигах русских богатырей, а также о событиях или примечательных эпизодах национальной истории XI–XVI вв. Циклы былин об Илье Муромце образуются на основе древнейших сказаний, объединенных происхождением и характером основного героя. Не имя героя, а художественные сюжеты, унаследованные из далекого прошлого, составляют основу, на которой развивается исторический эпос. *Цель статьи* — выявить условия формирования и трансформации былинных сюжетов об Илье Муромце. *Материал и методы.* Проанализированы классические труды отечественного литературоведения и фольклористики, отдельные сюжеты русского эпоса и эпоса соседних народов. Используются сравнительно-исторический и историко-функциональный методы исследования. *Результаты.* В научной работе рассматривается история развития образа русского богатыря Ильи Муромца как постепенная «демократизация» героя древнерусского былинного эпоса. Анализируется широкий ряд произведений русского, белорусского сербского, адыгского, грузинского, осетинского фольклора. Излагаются и осмысляются точки

зрения фольклористов XIX–XX вв. на историю, бытование, способы и средства трансляции поэтической биографии Ильи Муромца; их научные методы и подходы. Прослеживаются эпические сюжеты, объединенные именем Ильи и имеющие не только «внешнюю», но и глубокую внутреннюю связь, определяющуюся народными представлениями о герое, всем его обликом, вырастающим на основе всей совокупности художественных сюжетов. В *заключении* делается вывод о «переработке» в русских былинах мотивов волшебного-героического сказок, героического эпоса народов Северного Кавказа, Закавказья и других этносов.

Ключевые слова: былина, сказание, предание, нартский эпос, эпический сюжет, богатырь, Илья Муромец

Для цитирования: Фокин А. А., Семенова З. М. Образ Ильи Муромца в сравнительно-историческом и историко-функциональном аспектах // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 3. С. 135–151. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-3-27-135-151

The image of Ilya Muromets in comparative-historical and historical-functional aspects

Aleksandr A. Fokin¹, Zalina M. Semenova²

¹ Stavropol State Pedagogical Institute (417 A, Lenin St., 355029 Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-0328-3101. E-mail: dm21225602[at]mail.ru

² Stavropol State Pedagogical Institute (417 A, Lenin St., 355029 Stavropol, Russian Federation)

Student

E-mail: semenova.zalina[at]list.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Fokin A. A., Semenova Z. M., 2023

Abstract. Introduction. Bylina is an ancient Russian epic song about the life and heroic deeds of Russian heroes, as well as about events or remarkable episodes in the national history of the 11th–16th centuries. Cycles of epics about Ilya Muromets are formed on the basis of ancient legends, united by the origin and character of the main character. It is not the name of the hero, but artistic

plots inherited from the distant past that form the basis on which the historical epic develops. *The purpose* of the article is to identify the conditions for the formation and transformation of epic stories about Ilya Muromets. *Material and methods.* Classic works of Russian literary criticism and folkloristics, individual plots of the Russian epic and the epic of neighboring peoples are analyzed. Comparative-historical and historical-functional research methods were used. *Results.* The scientific work examines the history of the development of the image of the Russian hero Ilya Muromets as a gradual “democratization” of the hero of the ancient Russian epic. A wide range of works of Russian, Belarusian, Serbian, Adyghe, Georgian, Ossetian folklore is analyzed. The points of view of folklorists of the 19th–20th centuries on the history, existence, methods and means of broadcasting the poetic biography of Ilya Muromets are presented and interpreted.; their scientific methods and approaches. Epic plots are traced, united by the name of Ilya and having not only an “external” but also a deep internal connection, determined by folk ideas about the hero, his entire appearance, growing on the basis of the entire set of artistic plots. The *Conclusion* is drawn about the “reworking” in Russian epics of the motifs of magical-heroic fairy tales, the heroic epic of the peoples of the North Caucasus, Transcaucasia and other ethnic groups.

Keywords: epic, legend, tradition, Nart epic, epic story, hero, Ilya Muromets

For citation: Fokin A. A., Semenova Z. M. The image of Ilya Muromets in comparative-historical and historical-functional aspects. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2023; 3: 135–151. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2023-3-27-135-151

1. Введение

Вопрос о бытовании древнейших сюжетов в русском былинном эпосе уже более двух веков остается актуальным и дискуссионным. Сравнение русских былин с эпосом других народов свидетельствует о многообразных исторических связях народа Древней Руси, других славянских народов, народов Северного Кавказа и Закавказья. Унаследованные из глубокой древности сходные героические образы у каждого народа приобретают своеобразный национальный характер, сливаясь с народными преданиями о лицах, прославленных историей, включают воспоминания о великих событиях, определивших народные судьбы.

В понимании фольклористов XIX в., былина — древнерусская эпическая песня о жизни и героических подвигах русских богаты-

рей, а также о событиях или примечательных эпизодах национальной истории XI–XVI вв. Народное название былины — «старина», «старинушка», подразумевающее, что действие, о котором идет речь, происходило в прошлом [Лось 1891: 142–146].

Современный подход к изучению былин отражает «Литературная энциклопедия терминов и понятий»: фольклорный вид эпического литературного жанра, однако созданы в стихотворной форме, обычно тоническим стихом с двумя-четырьмя ударениями. Певец, рассказчик былин зовется былинником [Литературная энциклопедия 2001: 105–107].

Подобное упрощение противоречит мнению Д. С. Лихачева, отмечавшему важность изучения былин многосторонне и многоаспектно: «Былины многослойны, их создавал народ в течение многих веков. В былинах отразились сюжеты и древнейшего эпоса, еще «докиевского» и «доновгородского», и сюжеты последующих веков. Однако и в том и в другом случае былина становится былиной лишь перенеся действие в эту «эпическую эпоху», в ее условную историческую обстановку» [Лихачев 1971: 257].

Для былин характерно сочетание реальных образов, имеющих четкий исторический смысл и обусловленных действительностью (образ Киева, стольного князя Владимира), с фантастическими образами (Змей Горыныч, Соловей-разбойник). Но ведущими в былинах являются образы, порожденные исторической действительностью [Миллер 1897: 287].

По своему происхождению Илья Муромец — поздний герой, обретший популярность позже своих товарищей по «трем богатырям» — Добрыни Никитича и Алеши Поповича, но быстро затмивший их в силу самого своего психологического типа — героя-вождя, наделенного архаическими, фантастическими чертами [Былины 1958: 120].

2. Методология исследования

Начало изучения былин относится к первой половине XVIII в., когда ими заинтересовались известные историки В. Н. Татищев¹ и

¹ Татищев Василий Никитич (1686–1750) — русский историк, географ, один из основоположников русского источниковедения.

В. Ф. Миллер¹, оценившие былины как источник сведений о жизни русского народа дописьменного периода [[Лихачев 2002: 70](#)].

Значительный шаг вперед в разработке теории заимствования сделали крупнейшие русские фольклористы А. Н. Веселовский [[Веселовский 1881](#)], М. Н. Сперанский [[Сперанский 1916](#)], А. М. Астахова [[Астахова 1962](#)].

Историческая школа разработала методiku исследования былин, задачу которой В. Ф. Миллер видел в сопоставлении различных сюжетных вариантов былин, установлении наиболее архаического их извода и, «исследуя историко-бытовые данные этого извода, определить по возможности период его сложения и район его происхождения» [[Миллер 1892: 8](#)].

Огромный вклад в развитие теории сравнительно-исторического исследования литературы внес В. М. Жирмунский, труды которого ставят вопрос о необходимости широкого выхода за пределы привычных историко-географических границ, оставаясь в которых, невозможно удовлетворительно разрешить проблемы происхождения былин и эволюции сказочных жанров [[Жирмунский 1962](#); [Жирмунский 1979](#)].

Труды классиков отечественной фольклористики, основанные преимущественно на сравнительном (сравнительно-историческом) методе, позволяют выявить наиболее продуктивные в современной науке теории происхождения былин: историко-бытовую, мифологическую, заимствования и смешанную.

3. Материалы исследования

В данной статье рассматривается история развития образа русского богатыря Ильи Муромца, древнерусского знатного дружинника в былинном эпосе. Образ былинного Ильи с древнейших времен был и остается идеалом русского воинства. Интерес фольклористов, литературоведов и педагогов к нему не ослабевает и в наши дни.

¹ Миллер Всеволод Фёдорович (1848–1913) — русский фольклорист, этнограф, языковед и археолог.

В рамках данной работы мы обратились к широкому ряду произведений не только русского фольклора: «Сказке об Иване Крестьянском сыне» [Афанасьев 1873]; «Белорусскому сказанию об Илье и Алькадыме» [Гуревич 1939]; белорусскому сказанию «Как Илья-храбрец победил Соловья Разбойника, Обжору и Алькадыма» [Смоленский этнографический сборник 1891], но и к эпическим сказаниям других народов: эпосу сербского народа «Сказание о Марко Королевиче» [Голенищев-Кутузов 1963]; адыгскому сказанию «О первом подвиге Батрадза» [Андреев-Кривич 1957]; грузинскому преданию «О встрече эпического героя Амирани с великаном Андрероби» [Чиковани 1966]; «Смерть Батрадза» [Памятники народного творчества осетин 1925], [Сказание о нартах 1978].

4. Дискуссии о происхождении и эволюции циклов былин об Илье

В работах о происхождении образа героя русского былинного эпоса Ильи Муромца принято включать весь свод былин об Илье в рамки средневекового периода XII–XIII вв. Начальный момент этой истории определяется упоминанием имени «Ильи Русского» в средневековых германских сагах XIII в. («Ортнид» и сага о «Тидреке Бернском»), а завершающим этапом считается XVIII век [Веселовский 1881: 37].

По мнению М. Н. Сперанского¹, «сюжеты былин, объединяясь именем Ильи, обнаруживают, прежде всего, в слагателях и носителях их стремление к циклизации, выразившееся в желании нарисовать своего рода поэтическую библиографию, от ее начала и до смерти богатыря. Отдельные главы-песни этой биографии разного времени и происхождения» [Сперанский 1916: 256–257]. В этой связи известный фольклорист А. В. Марков писал: «Слагатели не создали былинных сюжетов, но только прикрепляли ходячие поэтические рассказы к определенной поэтической обстановке» [Марков 1903: 45].

¹ Сперанский Михаил Несторович (1863–1938) — русский филолог, фольклорист и византист.

Илья был известен как русский богатырь, связанный с князем Владимиром, уже к концу XII века; он не казак по своему первоначальному происхождению, каким стал в конце XVI века, и не крестьянин, как в былинах XVII–XVIII вв., он княжеский дружинник и даже знатный по происхождению [Жирмунский 1962: 91].

Завершением поэтической биографии Ильи Муромца считается внесение в круг эпоса об Илье рассказа об исцелении, представляющего собой, по мнению ученых, очень позднюю (XVIII в.) и малоудачную переработку в былинную сказку или легенды, широко распространенной в фольклоре [Жирмунский 1962: 92].

В советской фольклористике было принято считать, что в результате разложения былин, «разрушения ее классической стихотворной напевной формы, или под воздействием сказок, распространенных в лубке и книжках для народа» [Астахова 1962: 66], возникли народные сказки о былинных богатырях, т. е. былины эволюционировали в сказку.

По мнению А. М. Астаховой¹, возникновение подобных сказок — явление, характерное для позднейшего этапа жизни эпоса (конец XIX – начало XX в.). Предполагается при этом, что в отдельных случаях такие сказки возникали и в более ранние эпохи бытования былин, когда рядом с классической былиной появлялись прозаические пересказы-побывальщины: «Одной из характерных особенностей сказок об Илье Муромце, — утверждает А. М. Астахова, — является стирание в них специфической былинной историчности. Сравнительно немногие упоминают Киев как центр, вокруг которого разворачивается оборонительная и освободительная деятельность героя, немногие говорят о Владимире, о нашествии татар, называют имена Батя и Калина. В большинстве сказок всякое историческое приурочение исчезло» [Астахова 1962: 24].

В прозаических сказаниях, как замечает автор, наблюдается «полное превращение сцепленных вместе былинных сюжетов об Илье Муромце в героическую богатырскую сказку, которую связывает с эпосом лишь имя и прозвище героя» [Астахова 1962: 24].

¹ Астахова Анна Михайловна (1886–1971) — советский филолог, исследователь фольклора Русского Севера.

По вопросу об истории цикла былин об Илье Муромце высказывалась и несколько иная точка зрения, о которой необходимо упомянуть. В. Ф. Миллер, признавая, что большинство богатырских типов создавались в результате длительного процесса «поэтизации», когда исторические песни смешивались с чисто сказочными сюжетами, приобретали чудесный элемент, теряли свой исторический характер, полагал, что «тип Ильи Муромца и основные сказания о нем искони не имели изначально исторической почвы и приобрели историческую окраску с течением времени» [Миллер 1892: 126].

Процесс сложения былин, когда «чисто сказочные сюжеты, события, некогда происходившие за тридевять земель в тридесятим царстве, прикрепляются к историческим именам и историческим временам», В. Ф. Миллер называет «историзацией». По его мнению, в былинах об Илье историзовались древнейшие восточные сказания, заимствованные русскими сказителями из древнего иранского эпоса. Это основное отличие образа Ильи от других эпических лиц имело существенное значение в развитии эпоса: «Рядом с чисто внешней связью богатырских сказаний с князем Владимиром появилась в личности Ильи внутренняя связь, появился духовный центр, народный идеал, по отношению к которому определилось значение других эпических «личностей», народная их оценка» [Миллер 1892: 168].

Вполне справедливым в приведенном высказывании является то, что эпические сюжеты, объединенные именем Ильи, имеют не только «внешнюю», но и глубокую внутреннюю связь, определяющуюся народными представлениями о герое, всем его обликом, вырастающим на основе всей совокупности художественных сюжетов.

Существует немало фактов, свидетельствующих о том, что цикл былин, связанных между собой именем основного героя, в действительности вовсе не является результатом механического сложения разнородных по своему характеру и происхождению поэтических сюжетов. Циклы былин об Илье Муромце, как и о других былинных героях — Добрыне, Алеше Поповиче — образуются на основе древнейших богатырских сказаний, объединенных происхождением и характером основного героя. «Не имя героя, а

как раз художественные сюжеты, унаследованные из далекого прошлого, составляют основу, на которой развивается исторический эпос» [Миллер 1892: 197].

В. Ф. Миллер, пользуясь сравнительным методом, пришел к убеждению о первоначальном единстве сюжетов былин об Илье Муромце и древнеиранских эпических сказаний о Рустеме. Сравнение показывает, что включение отдельных сюжетов былин в цикл Ильи Муромца не является случайным, механическим объединением разнородных произведений [Миллер 1892: 197].

Эпические сказания южных славян о Марке Королевиче, осетин и других кавказских народов о Батрадзе, армян о Давиде Сасунском, иранских народов о Рустеме имеют немало совпадений с былинами во многих поэтических сюжетах и мотивах. Все эти факты говорят о тесном единстве, общности происхождения былинных сюжетов, группирующихся вокруг имени любимого русского эпического героя. В русском фольклоре, а также в фольклоре многих соседних народов, былины об Илье Муромце, художественно объединенные между собой, исполняются как единое, сложное по композиции эпическое произведение.

Прозаические сказания, объединенные именем Ильи Муромца, обнаруживают не только внешнюю связь, заключающуюся в общности имени героя. Они, несомненно, представляют собой целостный цикл однородных сказаний, характеризующийся единством основного центрального образа и общностью исторических условий возникновения сюжетов. Не является случайным то обстоятельство, что сюжеты прозаических сказаний, составляющих цикл Ильи Муромца, находят точное соответствие в северокавказских сказаниях, также объединенных в единый цикл сказаний о Батрадзе (или Батаразе): сидение у домашнего очага, бой с чудовищной птицей, охраняющей царство мифического властителя, встреча с великаном, неподъемная сумка с земной тягой, наслоения религиозных представлений (Азрез Али и Илья Пророк) и т.д. Основные сюжеты сказаний об Илье (Илья и Соловей, Илья и Идолище, Илья и Святогор), объединяющиеся в прозаических сказаниях, также встречаются в нартских сказаниях о Батрадзе.

5. О сюжетных параллелях славянских, закавказских и северокавказских эпических сказаний

В белорусском сказании «Как Илья-храбрец победил Соловья Разбойника, Обжору и Алькадыма» повествуется об исцелении Ильи и его победе над Соловьем Разбойником и богатырем Обжорой (Идолищем), от которого Илья освобождает безымянных царя и царицу. После этого Илья едет искать себе противника. Поехал он в Киев, в ту сторону, где живет могучий незрячий Алькадым-богатырь [*Смоленский этнографический сборник 1891: 397*].

Образ слепого великана Алькадыма белорусского сказания вмещает в себе черты слепого великана, Святогоровского отца и самого Святогора, о котором рассказывается в былинах.

Как передает сказание, Алькадым задумал заранее сделать себе гроб, так как ему «снилось во сне», что придется ему умереть от руки Ильи Муромца. При встрече с Ильей Алькадым крепко жмет руку богатыря, это не нравится Илье, и он убивает Алькадыма.

Рассказ о встрече богатыря со слепым великаном белорусского предания так же, как и прозаическое сказание о слепом отце Святогора, находит полное соответствие в широко известных рассказах о встрече героев сказаний северокавказского эпоса с последним представителем вымирающего поколения великанов (уадмаров). В таких рассказах великан обычно изображается слепым, при встрече с нартом он испытывает его силу пожатием руки (нарт вместо руки протягивает дерево или камень). Великан рассказывает о жизни своего поколения, о своей пище, выжимает «сок земли» и дает попробовать его нарту. Когда нарт вылизал этот сок, он почувствовал сытость и необыкновенную силу [*Смоленский этнографический сборник 1891: 397*].

Здесь возникает параллель с былинным рассказом о смерти Святогора в таинственном гробу, предназначенном ему судьбой. Илья лижет смертную пену или пот умирающего Святогора и чувствует в себе нарастающую необыкновенную силу. Нартские сказания оканчиваются обычно смертью уадмара, определяющейся волей бога, так же, как и былины о смерти Святогора и сказания о слепом Алькадыме, смерть которого заранее определена судьбой [*Смоленский этнографический сборник 1891: 397*].

Сюжет белорусского сказания об Алькадыме очень близок грузинскому преданию о встрече эпического героя Амирани с великаном Андрероби.

Амирани выступает врагом великана и, когда приходит в страну великана, встречает похоронную процессию. Это Андрероби заживо везли на кладбище, ибо после смерти уже было бы невозможно доставить его туда из-за неимоверной его тяжести. При встрече с героем Андрероби попросил протянуть ему руку; Амирани, боясь его чудовищной силы, вместо руки протягивает камень. Андрероби просит Амирани принять побратимом его сына [Чиковани 1966: 223–235].

Белорусское сказание об Илье и Алькадыме, как видно из сравнения, сохраняет древнейшую схему предания о последних великанах, отраженных в былинах об Илье и Святогоре, эпосе об Амирани и Андрероби, сказаниях о Батрадзе и уадмарах. Согласно прозаическим сказаниям, Илья, выехавший на поиски равных себе по силе противников, встречает странника, дорожную сумочку которого он поднять не в силах. После этой встречи со странником, носящим в суме «всю земную тяготу», Илья Муромец теряет свою силу и умирает [Гуревич 1939: 53–56].

В сводной былине об Илье Муромце, передающей содержание всех подвигов богатыря в той же последовательности, что и прозаические сказания, упоминается о встрече Ильи со странником. Странник-старик роняет с головы шапку пуховую и просит богатыря поднять ее, но богатырь не в силах даже пошевелить. Своеобразие в содержании этого эпизода, сохранившееся в прозаических сказаниях, не является результатом позднейших искажений или смешений, а свидетельством сохранения первоначальных древнейших черт сюжета.

Осетинские нартские сказания о смерти Батрадза во всех подробностях соответствуют тому, что есть в былине, записанной от сказителя Ф. А. Конашкова¹. Батрадз так же, как и русский былинный герой, похваляется, что он в силах перевернуть землю, если

¹ Конашков Федор Андреевич (1860–1941) — русский сказитель.

найдет опору. Однажды он увидел на пути шапку (так же, как и Илья в былине Конашкова), и все попытки поднять ее были напрасными, так как ее бросил на пути Батрадз сам бог [Памятники народного творчества осетин 1925: 90–91].

После этого Батрадз вступает в борьбу с небожителями и погибает:

*Владыка облаков их просьбе внял,
И на пустыню дождь он ниспослал,
И этот дождь принес земле отраду,
И прекратился страшный запах чада.
Лишь охладился пламенный Батрадз,*

Он на сырую землю пал тотчас... [Сказание о нартах 1978: 353].

Сходные по содержанию сказания в болгарском эпосе соединяются с именем Марко Королевича.

*Поразит тебя, несчастный Марко,
Старый мститель бог, и час твой близок...*

<...>

*Спрыгнул у колодца Королевич,
Привязал коня к зеленой ели,
Над водою светлой наклонился
И в воде лицо свое увидел.
Только он лицо свое увидел,*

Как почуял — смерть его подходит...» [Голенищев-Кутузов 1963: 42–43].

Прозаическое сказание, записанное в Белоруссии, содержит мотив исцеления Ильи и первой его поездки. Илья после чудесного исцеления странниками отправляется в царство царя Прожоры. На пути он вступает в бой с Негодным Соколом (образ соответствует былинному Соловью Разбойнику), охраняющим царство царя Прожоры, убивает Негодного Сокола и приезжает к царю. Образ царя Прожоры соответствует былинному Идолищу Поганому. Илья убивает царя Прожору [Гуревич 1939: 53–56].

Фабулы адыгского сказания о первом подвиге Батрадз и белорусского сказания о поездке Ильи полностью совпадают. Батрадз

поражает чудовищного орла, русский герой — чудовищного Сокола, охраняющих враждебного людям властителя. Описание битвы богатыря с птицей во многих деталях одинаково. Конь Батрадза, точно так же, как и конь Ильи, при приближении к чудовищной птице падает на колени, богатырь обращается к нему с укоризненными словами. Затем богатырь стрелой поражает птицу и т. д. [[Андреев-Кривич 1957: 219–248](#)].

Результаты сравнения сюжетов прозаических преданий о былинных богатырях с сюжетами нартского эпоса, эпических сказаний народов Закавказья убеждают в том, что прозаические сказания далеко не всегда являются результатом переработки былин, позднейшими образованиями.

Так, еще в XIX в. В. Ф. Миллер, высказываясь о зависимости происхождения прозаических сказаний от волшебных сказок, легенд, ссылался на историческую лубочную сказку об Иване Крестьянском сыне из сборника А. Н. Афанасьева¹ [[Афанасьев 1873: 363–368](#)] и упоминает о том, что мотив чудесного напитка, придающего силу, широко распространен и на Востоке, в индийских сказаниях, и на Западе, в германских, романских, южнославянских сказаниях: «Мы не ставим себе цели, — писал В. Ф. Миллер, — вообще трудно достижимой, уточнить каким путем странствующий мотив, — например, приобретение силы через питье, — проник на Русь. Для нас интереснее знать, почему он прикрепился на Руси между прочим к национальному богатырю» [[Миллер 1897: 197](#)].

По мнению ученого, этот сказочный и легендарный бродячий сюжет о богатырях-сиднях пристал к имени национального богатыря довольно поздно, быть может, не раньше XVII столетия для пополнения его поэтической биографии. В. Ф. Миллер высказал мысль о том, что прозаические сказания с мотивом исцеления Ильи «не переделаны из былин, в которых находится данный мотив, он проник из сказок и затем в устах сказителей, привычных к былинному стилю, подвергался самой поверхностной былинной окраске» [[Миллер 1897: 387](#)].

¹ Афанасьев Александр Николаевич (1826–1871) — русский славист, этнограф, фольклорист.

Наблюдения В. Ф. Миллера обычно целиком принимаются фольклористами и литературоведами XX в. Так, например, В. М. Жирмунский в работе о славянском эпосе пишет: «Всеволод Миллер убедительно показал, что рассказ о лежании Ильи на печи и его исцелении каликами внесен был в биографию Ильи скорее всего в XVIII веке и имеет своим источником мотив, широко известный в народной сказке» [Жирмунский 1962: 166].

Таким образом, согласно установившимся представлениям, «сказочный бродячий мотив» о получении богатырской силы в чудесном напитке очень поздно — в XVII–XVIII вв. — проникает в былины и прикрепляется к имени Ильи Муромца, а еще позднее (в XIX–XX вв.) «сцепленные вместе» былинные сюжеты, включающие мотив исцеления, превращаются вновь в «богатырскую сказку», где стирается былинная историчность, появляется сказочная неопределенность времени и места, сложность и завершенность композиции, и в таком виде получают широкое распространение как в русском фольклоре, так и в фольклоре других народов, в том числе народов Северного Кавказа.

Все эти примеры ясно указывают на то, что древнейшие эпические сказания, унаследованные традицией, в позднейшие времена способны наполняться новым содержанием, сливаясь с живыми народными преданиями о событиях и лицах недавнего прошлого.

6. Заключение

Исторические события, связанные с древнерусской действительностью, находят художественное отражение в произведениях устного эпоса. Народные предания, воспринятые эпосом, приносят определенную историческую окраску, проявляющуюся в использовании былинами собственных имен, географических названий, в упоминании исторических событий. Сами же художественные образы и поэтические сюжеты былин не могли быть порождены исторической действительностью XI в. или последующих веков, не могли возникнуть на основе песен или преданий средневековой Руси.

Являясь общим достоянием народа, унаследованным из глубины предшествующих эпох, они непрерывно повторялись, вос-

производились в многообразных художественных произведениях устного эпоса, переоформляясь и преобразуясь в соответствии с новыми запросами народа.

Древнейший сюжет, бытовавший в сходных формах у многих этносов в условиях нового и новейшего времени — образования государственных объединений, сложения народностей, формирования наций, — сохраняется в фольклоре разных народов, связанных между собой в далеком прошлом многообразными историческими связями. Самобытный народный эпос о Батрадзе, о Давиде Сасунском, о Марке Королевиче, о Рустеме имеет ряд близких соответствий с былинами об Илье Муромце, которые ни в коем случае не могут быть результатом освоения, использования «международных странствующих» сюжетов.

Сравнение русских былин с эпосом других народов показывает, что круг былин об Илье Муромце сложился еще в догосударственную пору. Иначе трудно понять, почему, например, в болгарских песнях и сказаниях о Марке Королевиче наблюдаем совпадения с былинами об Илье не только в сюжетах, содержащих мотив чудесного напитка силы и заключения богатыря в темницу, но и в ряде других сюжетов, примыкающих к циклу сказаний о любимом народном герое (предание о встрече с великаном, сказание о неподъемной сумочке, содержащей земную тягу; бой отца с сыном и др.). Совпадение отдельных мотивов, эпизодов, содержащихся в былинах, Сербских юнацких песнях, прозаических сказаниях героического эпоса народов Северного Кавказа и Закавказья, с одной стороны, и в волшебных-героических сказках с другой, как показывает сравнительное изучение, не является результатом «переработки» сказочного материала героическим эпосом в позднейшее время.

Историзм былин, легенд, преданий, связанных с народными эпическими героями, заключается не в упоминании исторических лиц или событий и не в наличии определенной географической обстановки, к которой прикрепляется действие, а исключительно в характере художественных образов и поэтических сюжетов, неразрывно связанных с поэтическими представлениями народа, его верованиями и воззрениями.

Источники

- Андреев-Кривич 1957 — *Андреев-Кривич С. А.* Нарты. Кабардинский эпос. М.: Гослитиздат, 1957. 379 с.
- Афанасьев 1873 — *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки / 2-е изд., пересм. К. Солдатенковой. М.: Тип. Грачева И. К., 1873. 572 с.
- Голенищев-Кутузов 1963 — *Голенищев-Кутузов И. Н.* Смерть Королевича Марка. Эпос сербского народа. М.: АН СССР, 1963. 323 с.
- Гуревич 1939 — *Гуревич А. В.* Русские сказки восточной Сибири. Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1939. 339 с.
- Памятники народного творчества осетин 1925 — Памятники народного творчества осетин. Нартовские народные сказания. Вып. 1. Владикавказ: Изд. Осетинского научно-исследовательского Института краеведения, 1925. 113 с.
- Сказание о нартах 1978 — Сказание о нартах. Осетинский эпос / изд. перераб. и доп.; пер. с осет. Ю. Либединского; вступ. статья В. И. Абаева. М.: Советская Россия, 1978. 395 с.
- Смоленский этнографический сборник 1891 — Смоленский этнографический сборник / сост. В. Н. Добровольский. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, Б. Итальянская, № 11, 1891. Ч. 1. 714 с. (Записки имп. рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии).
- Чиковани 1966 — *Чиковани М.* Народный грузинский эпос о прикованном Амирани. М.: Наука, 1966. 328 с.

Литература

- Астахова 1962 — *Астахова А. М.* Народные сказки о богатырях русского эпоса. М.; Л.: АН СССР, 1962. 116 с.
- Былины 1958 — Былины: в 2 тт. / подгот. текста, вступ. статья и коммент. В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1958. 564 с.
- Веселовский 1881 — *Веселовский А. Н.* Южнорусские былины. СПб.: Императорская Академия наук, 1881. 541 с.
- Жирмунский 1962 — *Жирмунский В. М.* Народный героический эпос. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1962. 433 с.
- Жирмунский 1979 — *Жирмунский В. М.* Сравнительное литературоведение: Восток и Запад: Избранные труды / В. М. Жирмунский. Л.: Наука, ЛО, 1979. 493 с.
- Литературная энциклопедия 2001 — Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научной информации по общественным наукам РАН. М.: Интелвак, 2001. 1600 стб.
- Лихачев 1971 — *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. 2-е

- изд. М.; Л.: Худ. лит., 1971. 405 с.
- Лихачев 2002 — *Лихачев Д. С.* История древнерусской литературы: Учеб. пособие. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2002. 114 с.
- Лось 1891 — *Лось И.* Былины // Энциклопедический словарь. Т. V. СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1891. С. 142–146.
- Марков 1903 — *Марков А. В.* Бытовые черты русских былин // Этнографическое обозрение. 1903. № 3. С. 42–113.
- Миллер 1892 — *Миллер В.Ф.* Экскурсы в области русского народного эпоса. I–VIII. Вып. I. М.: А. А. Левенсон, 1892. 312 с.
- Миллер 1897 — *Миллер В.Ф.* Очерки русской народной словесности. Т. 1. М.; Л.: Госиздат, 1897. 483 с.
- Сперанский 1916 — *Сперанский М. Н.* Русская устная словесность. Т. I. Былины / под ред. с вводными ст. и прим. М. Сперанского. М.: Сабашниковы, 1916. 452 с.